

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 101.1:3

DOI: 10.17223/1998863X/48/4

А.А. Дыдров, В.С. Невелева

АНТРОПОЛОГИЯ ИННОВАЦИЙ¹

Статья посвящена философско-антропологическому осмыслению феномена инновации. Авторы обосновывают значимость новой предметной области – антропологии инноваций, направленной на разрешение противоречия между высокой интенсивностью внедрения новшеств во все сферы жизни и отсутствием соразмерного значению инноваций универсального осмысления. Особое внимание уделено человеку и его двойственному положению – как создающей новшества творческой силе и объекту воздействия инноваций.

Ключевые слова: антропология инноваций, философская антропология, инновация, творчество, постчеловек, трансгуманизм.

Постановка проблемы

В X главе «Левиафана» Т. Гоббс сравнил могущество человека с движением тяжелого тела: чем дальше оно движется, тем больше увеличивается его скорость [1. С. 58]. Способности к достижению в будущем некоего «видного» блага пока не видно предела. Сегодня могущество человечества распространяется не только на природу или социальные структуры, но и на самого человека. Индикатором такого могущества являются интенсивно развивающиеся технологии (информационные, когнитивные, биологические, медицинские и др.), позволяющие непосредственно воздействовать на человеческую природу и бороться с «несовершенством» материально-телесной организации, контролировать психические состояния и процессы, влиять на интеллектуальные способности и т.д.

Отвечая «запросам времени», человек, по выражению М. Хайдеггера, «загоняет одну возможность за другой» [2. С. 104] и опредмечивает идеи в так называемых «инновационных продуктах». Скорость внедрения новшеств сегодня высока и постоянно растет под лозунгами «Больше инноваций!» и «Инновации или смерть». По мере увеличения скорости внедрения новшеств в различные сферы жизни растет значимость моментов «остановки» и вопрошания: ради чего происходит рост могущества человека? К чему приведет увеличение скорости внедрения новшеств, кроме успехов в конкурентной борьбе за технологическое, экономическое и политическое лидерство? Однако осознается ли значимость этих вопросов настолько, чтобы «остановки»

---

¹ Статья выполнена при поддержке Правительства РФ (Постановление № 211 от 16.03.2013 г.), соглашение № 02.А03.21.0011.

стали обязательными в скоростном инновационном процессе, а высвечивающееся в них аксиологическое содержание стало самостоятельным предметом внимания. Кроме того, не создалась ли своеобразная противоречивая ситуация, когда, с одной стороны, инновации предстают как универсальное средство движения вперед, с другой стороны, понимание того, что такое инновации, оказывается редуцированным, поскольку они однозначно связываются с научно-техническим прогрессом, со сферой техники и технологий.

В этой связи возможен ли разговор об инновациях за пределами экономического, управленческого и технико-технологического контекстов? Поиск ответов на поставленные вопросы де-факто не входит в область компетенции экономистов, управленцев и инженеров. В определенном смысле обозначенные вопросы пребывают в забвении, потому что они «неудобны» для современного человека, растворившегося в вещественной предметности и озабоченного «подручным».

О том, что человек растворяется именно в подобного рода предметности, свидетельствуют и распространенные сегодня определения инновации. Например, авторы проекта «Инновационная Россия – 2020», рассуждая о проблеме невосприимчивости населения к инновациям, связывают последние с продуктами и технологиями. В качестве наиболее эффективного средства повышения восприимчивости к новшествам названа пропаганда инновационного предпринимательства и научно-технической деятельности [3. С. 25]. С выходом «Теории экономического развития» Й. Шумпетера инновация стала связываться с внедрением нового продукта, открытием рынка, созданием новой технологии производства, открытием источника сырья и появлением организационных структур в хозяйственной деятельности. Это мнение прочно укоренилось в интеллектуальной среде и считается очевидным. Но именно эту «очевидность», возможно, и следует поставить под сомнение. В противном случае инновационность оказывается замкнутой на предметно-вещественный мир и не выходит за его границы. Обозначенные «неудобные» вопросы ориентируют на универсальное осмысление предметного мира, поскольку он не сводится к вещественным компонентам, на приостановку калькуляции и рефлексии над смысложизненными ценностями. Поскольку жизнь человека не замкнута на предметно-вещественный мир, но все больше определяется «мерками» этого мира и аксиологическая сторона бытия не должна уйти в тень, имеет смысл говорить о важности и своевременности антропологии инноваций. Антропология инноваций позволит не только концептуализировать феномен инновации и обосновать возможность и необходимость выведения понятия инновации за пределы экономического и инженерного дискурсов (поскольку его содержание будет определяться исходя из всеобщего отношения «человек – мир»), но и высветить аксиологические аспекты инноваций, инновационной деятельности (без чего невозможна рефлексия философского уровня и содержания), а также сконцентрироваться на их «человеческом измерении», на человеке – субъекте и объекте инновационной деятельности. Это дает возможность дистанцироваться от всех узкоспециальных определений инновации и посмотреть на инновацию с другого ракурса – не только как на продукт или технологию, замкнутые на коммерческую реализацию.

Попытки вывести понятие инновации за границы обозначенных контекстов уже предпринимались. В числе современных исследователей, занимаю-

щихся проблематикой инноваций и выводящих понятие инновации за пределы контекстов экономики и инженерной и управленческой деятельности, есть не только философы, но и экономисты [4. С. 49–50], культурологи [5. С. 3–8], [6. С. 10–17], социологи [7. С. 103–112], [8. С. 42–47] и др. Однако антропология инноваций никоим образом не ограничивается работой над определением понятия. Работа с понятием – важная, но не единственная задача. Нужно обозначить для человека необходимость «прорваться» за сферу «подручного», к тому, что за ней стоит или что ее сопровождает. Антропология инноваций акцентирует внимание на аксиологическом смысле социально значимой деятельности человека, на ценностной стороне всякого знания и умения и побуждает обратить внимание не на то, *что* можно делать, а на то, *можно* ли и *ради чего* это стоит делать.

Антропология инноваций призвана преодолеть рассогласование между предметно-вещественной и ценностно-смысловой ориентациями человека. Ценностно-смысловая ориентация личности нередко не учитывается как обязательная, но именно она имеет огромное значение для формирования картины мира. Вопрос о сформированности картины мира у молодого поколения – вопрос насущный. Не случайно в одном из выступлений П.Г. Щедровицкий утверждал, что сегодня «огромное число молодых людей не имеют никакой картины мира» [9]. В отличие от получения специальных знаний, формирования конкретных умений и навыков формирование картины мира – дело чрезвычайно длительное и сложное. Сложность и длительность этого дела не являются основаниями для отказа от него. В этой связи претензия антропологии инноваций на участие в формировании картины мира современного человека очевидна и обоснованна.

Предмет антропологии инноваций определяется теми «неудобными» вопросами, которые современный человек пропускает или на которые предпочитает не отвечать: Что инновации дают человеку? Чем для него оборачиваются? Чего инновации лишают человека? Чем ему угрожают? Каждый из обозначенных вопросов требует сосредоточения, вдумчивости и времени для поиска ответа. Но кажется, на этот длительный поиск у современного человека совсем нет времени. По выражению Э. Тоффлера, «перемены набирают скорость, из-за которой реальность иногда кажется калейдоскопом» [10. С. 21]. В том, что «поток перемен настолько ускорил свой ход, что он влияет на наше чувство времени, революционизирует темп повседневной жизни», не приходится сомневаться [Там же. С. 28]. Однако не становится ли ссылка на ускорение ритма жизни своеобразным «алиби» для современного человека? Не является ли она оправданием «бегства» от ответственного, «участного» мышления?

В общем смысле антропология инноваций – это еще один способ понимания человека, его внутреннего и внешнего мира. Она сосредоточена на поиске ответа на вопрос, что есть человек перед лицом инноваций. Такая постановка вопроса не случайна. Сама философская традиция говорит о том, что мы понимаем человека как находящегося перед лицом чего-то: Бога (К. Барт) или «смерти» бога (Г. Марсель), смерти (С. Кьеркегор), «атомного» века и техники (М. Хайдеггер) и т.д. Антропология инноваций следует этой традиции и пытается понять человека, стоящего перед лицом инноваций, которые рассматриваются как основной инструмент прогрессивного развития.

Предметная область антропологии инноваций

Антропологию инноваций можно определить как раздел философии, посвященный осмыслению феномена инновации в контексте способов совместного и индивидуального бытия людей. Иными словами, для антропологии инноваций особый интерес представляет не инновация как таковая, взятая сама по себе, а инновация в ее отношении с мышлением, деятельностью, творчеством, ценностями человека. Осмысление инноваций как своеобразного символа нестабильности позволит вновь поставить вопрос об идентичности человека, в новых условиях осуществить «вопрошание» о человеке.

Одна из первостепенных задач обозначенной области знания заключается, очевидно, в определении инновации. Могут возразить, что эта процедура уже неоднократно совершалась и существуют десятки ясных и четких определений. Дело, однако, вовсе не в количестве определений, а в их содержании: все они предложены с учетом одного и того же социального контекста – замкнуты на контекст предметно-вещественного мира и рыночных отношений. В таком случае инновации заданы характеристикам внешнего по отношению к человеку мира, выступающим своеобразными «объективными условиями», в которых человек вынужден искать возможность существовать. В очередной раз «логика вещей» оказывается доминирующей. Подобный редукционистский подход вряд ли соответствует масштабности проблем, связанных с инновациями. Антропология инноваций исходит из иного понимания: инновация связана с тем, что человек всегда осуществляет самотрансцендирование, он выходит за границы себя самого, порождает свой внешний мир и все время пересоздает его в новых условиях, расширяя сферу своего присутствия. Различные исследователи видят связь понятия инновации с понятиями новации [11. С. 104–109], творчества [12. С. 243–250.], открытий [13. С. 20–24.], объективации [14. С. 12–17] и др. В сходствах и различиях обозначенных понятий еще только предстоит разобраться. Скорее всего, этот процесс будет долгим и породит как множество дискуссий, так и множество оригинальных гуманитарных идей и концепций.

Инновации являются предметом осмысления в философии науки, философии техники и социальной философии. По-видимому, существуют некоторые основания для предположения, что инновации могут быть предметом осмысления и в философской антропологии. Антропология инноваций связана с расширенным пониманием инновации и инновационных процессов, не сводимым только к тому, что касается внедрения в производство новой технологии, или к продуктам, ориентированным на коммерческую реализацию. Более того, расширенное понимание предполагает, что инновации вовсе не обязательно «вещественны». Это утверждение нуждается в обосновании. Историко-философская традиция (по крайней мере с раннего Нового времени) дает богатый материал, позволяющий обоснованно говорить о необходимости подобного расширенного понимания. Об инновации писали Ф. Бэкон, А. Фергюсон, И. Бентам, Д. Дидро, И. Кант, А. Уайтхед, Б. Рассел, К. Поппер и другие мыслители. В их сочинениях инновация была связана с изменением государственного и общественного порядка, масштабными преобразованиями религиозных практик, реформами в сфере образования и т. д. В социогуманитарной традиции XX в. об инновации часто писали в связи с

научным и художественным творчеством, философским осмыслением действительности («теоретическая инновация» у Т. Куна, «концептуальная инновация» у И.Р. Пригожина и И. Стенгерс, «культурная инновация» у Т. Парсонса). Таким образом, сфера интерпретации инновации выглядит практически универсальной.

Антропология инноваций выявляет, что меняется в человеке и его мире, поскольку они неразрывно связаны: любое изменение одного влечет изменение в другом. Кроме того, всякий раз новые «вызовы» времени, когда их начинают осмысливать, заново ставят вопрос «что есть человек?». В истории философии и гуманитарного познания человек обозначался и как «animal symbolicum» (Э. Кассирер) и «homo religiosus» (П. Пупар), и как «homo faber» (А. Бергсон, Х. Арндт), и как «homo ludens» (Й. Хейзинга), и т.д. Некоторые ученые маркируют современного человека как «homo innovaticus» (В.А. Герасимова, Е.А. Другова и др.). Данный маркер используется не только и даже не столько в науке, сколько в политике. Авторы проекта «Инновационная Россия – 2020» утверждают, что «для инновационной экономики нужен инновационный человек», т.е. человек, «способный в полной мере использовать достижения науки и техники», «мотивированный на создание инноваций, внедрение их во все сферы общественной жизни». В государственном проекте «Инновационная Россия – 2020» инновации интегрированы в экономический и технико-технологический контексты. Между тем нет оснований для утверждения, что иное понимание homo innovaticus невозможно.

Предметом антропологии инноваций является инновация в ее связи и в отношении с человеком в его целостности, с его материально-телесной природой, душевно-духовным миром и социокультурным бытием, так как инновации затрагивают не только самого человека, но и мир человека, созданный и создаваемый им. В отличие от инноватики, акцентирующей внимание на управлении инновационной деятельностью, на организации и результатах инновационной деятельности, в фокусе внимания антропологии инноваций находится человек, сама же инновация получает философско-культурологическую интерпретацию, не сводящуюся к пониманию ее природы как социальной. В антропологии инноваций происходит обращение к гуманитарной составляющей философии инноваций, ее гуманистическим и ценностным аспектам. Человек является и активным и пассивным началом: он внедряет инновации и испытывает влияние, даже властное воздействие новшеств на свою жизнь. В соответствии с этим двойственным положением человека образование и воспитание как сферы «возделывания человека» призваны выполнять две основные задачи: во-первых, помочь человеку выжить в условиях инновационного «бума» (этому способствуют различные инновационные формы и методы образования и воспитания), адаптироваться в мире интенсивных перемен; во-вторых, помочь в формировании ценностного мира, в развитии интеллектуального и нравственного начал человека как творца. Будучи творцом, человек не может избежать вопросов о свободе творчества, мере дозволенного в преобразовании самого себя и окружающего мира и ответственности за разработку, распространение, использование, за социальные и антропологические последствия инновационной деятельности.

Антропология инноваций и феномен творчества

Антропология инноваций акцентирует внимание на связи инновации с творчеством, т.е. с процессом возникновения нового (с переходом из небытия в бытие, по мысли Платона, обновлением и изменением, согласно идее А. Бергсона, отрицанием существующего и созданием нового мира, по мнению Н.А. Бердяева, с действием не по инструкции, по выражению П.Л. Капицы) и деятельностью, порождающей новые идеи, ценности, смыслы и вещи.

Творчество – основополагающий феномен бытия человека, человек – творческое существо. Свобода – это стихия творчества, «бунтующего» против мировой данности и необходимости. В творчестве рождается новое, прерывающее постепенность и вторгающееся в сложившийся порядок, не имеющее оснований и ничем не предуготовленное. Оно рождается во вдохновении и озарении, без предварительной программы или заранее написанного плана, без поставленной цели, заключающейся в раздвигании границ предметно-вещественного мира. Новое, возникающее в осененном духом творчестве, всегда значительно и уникально – оно опережает свой век и получает «мировоззренческую аппликацию» в будущем [15. С. 58]. Вместе с тем столь же очевидно, что новое может быть выведено из определенных условий, обусловлено задачами, создано по плану, предуготовлено. Оно может удовлетворять потребности человека в преобразовании мира. В таком случае новое вписано в деятельностно-прагматический контекст. Разграничение двух измерений творчества – онтологического и деятельностно-прагматического – позволяет видеть среди новаций те, которым предшествует «ничто», и те, что появились в результате рекомбинации существующего, те, что родились в озарении, и те, что были запланированы и заранее прочитаны, предзаданы четко обозначенной целью. Онтологическое измерение творчества требует универсального понимания новации и инновации, свободного от технико-технологического, экономического и управленческого контекстов. Новации и инновации – это не только производственные технологии, не только элементы предметно-вещественного мира, но и новые смыслы, ценности, идеи. Универсальное понимание новаций и инноваций нуждается в философских, в частности в философско-антропологических, основаниях.

Будучи поставленным в «середину» своего существования и зная об этой середине, человек преступает ее. Как «автор» собственного существования человек всегда выходит вовне, за пределы «здесь-и-теперь». Выход за границы центра к внешнему миру, в «континуум пустоты» [16] позволяет обустроить мир, воздействовать на другого – на особую индивидуальную реальность и особый внутренний мир. Выход за границу обеспечивает существование совместного мира, бытие с Ты и Он. В порождаемом человеком как «эксцентрическим существом» мире совместного бытия размещаются плоды труда, идеи, смыслы и ценности. Встреча эксцентрических актов, позитивный ответ другой индивидуальной реальности на мое предложение обустроить мир является почвой для созревания плодов.

Вместе с тем творческая деятельность в определенном смысле отрицает существующий мир, а ее плоды борются с сущим за свое место под солнцем,

вытесняя существующее на периферию, делая его неуместным. Инновация возникает тогда, когда другой говорит «да» результату, в котором выразилось мое творческое начало. Человек ответствен за собственное эксцентрическое бытие постольку, поскольку воздействует на другого. По выражению Ж.-П. Сартра, «нет ни одного нашего действия, которое, создавая из нас человека, каким мы хотели бы быть, не создавало бы в то же время образ человека, каким он, по нашим представлениям, должен быть» [17]. Обустроивая и перестраивая мир, человек может стать образцом для другого. Понимание этого немаловажного факта побуждает поставить вопрос об ответственности человека за свою инновационную деятельность. В философии этот вопрос всерьез обсуждался во второй половине XX – начале XXI в. Ответом на него стали появление биоэтики, акцентирующей внимание на моральных проблемах в связи с развитием биомедицинской теории и практики, и идея гуманитарной экспертизы – социальной практики, призванной защитить человека от реальных и потенциальных угроз инноваций.

Антропологию инноваций интересует то, на каких ценностях инноватор основывается и какие ценности и смыслы вкладывает в свою деятельность. Если творчество – это не механическое выполнение работы, не действие по инструкции, но всегда привнесение личного, то какова граница личного и коллективного опыта в акте внедрения инновации? Если трактовать творчество как воплощение цели, рождающейся из глубин человеческого духа (что соответствует традиции русской религиозной философии), то далеко не всякий продукт можно назвать результатом творческой деятельности.

Антропология инноваций не рассматривает коммерческую составляющую в качестве неотъемлемого признака инновации и акцентирует внимание на распространении, использовании и усвоении различных идей, концепций, методологий как авторских новаций, явно выполняющих при этом функцию любой инновации – качественное изменение той сферы, той системы, где новшество получило применение (изменение видения человеком себя и действительности). Инновации возникают в любых науках, фундаментальные достижения в которых стали основанием новых технологических и технических решений. Есть основания полагать, что внедрение инноваций происходит и в социально-гуманитарной сфере. В отличие от технико-технологических инноваций, гуманитарные концепции распространяются сравнительно медленно и, доказывая свою жизнеспособность, постепенно укореняются в социокультурной среде. Они могут пройти долгий путь в борьбе за признание и в конце концов добиться его. Примеров гуманитарного творчества очень много.

Одним из ярких примеров гуманитарных инноваций являются рационалистические идеи Р. Декарта, получившие дальнейшее развитие и ставшие основой не только для новых концепций европейского рационализма, но и для программ социального переустройства, т.е. внедренные в общественную жизнь. Философские идеи французского мыслителя повлияли на сложившиеся научные принципы и представления о природе и человеке, став основой механистической картины мира. Столь же очевиден вклад Р. Декарта в теорию и практику научного исследования. В частности, это выражается в анализе оснований научного мышления и требовании рефлексии. Картезианский рационализм имеет не только научно-методологическое, но и социальное

значение. Совместная жизнь людей в гражданском обществе предполагает анализ собственных позиций и позиций другого, а также поиск консенсусов на основе рациональности.

Идеи, концепты и концепции участвуют в коренном изменении картины мира. За любой такой идеей всегда стоит автор, конкретный человек. Идея может стать всеобщим достоянием, преодолеть границу индивидуально-авторского значения, стать инновационным «продуктом», поскольку начинает активно потребляться и становится эффективным средством обновления миропонимания и человекопонимания.

Человек как объект воздействия инноваций

Антропология инноваций рассматривает человека не только как инноватора, но и как того, на кого направлена инновационная деятельность. Антропология инноваций исходит из принципа антропоцентризма и гуманоцентризма, важности гармонии природного и сконструированного, органического и неорганического, наследственного и приобретенного, естественного и искусственного и т.д. В условиях развития новых, непосредственно направленных на человека технологий и областей исследования (НБИК-технологий, геномики, трансплантологии, фармацевтики и др.) фундаментальные антропологические константы переосмысляются и наполняются новым содержанием. Например, трансцендирование в религиозном и религиозно-философском контекстах означало выход за пределы чувственного опыта, за рамки физического в метафизический мир. В философии Н. Гартмана трансцендирование заключено в интенциональности сознания, указывающего через предмет сознания на нечто существующее-в-себе и для-себя. У М. Хайдеггера трансцендирование трактовалось как переход от несобственного существования, от растворения в людях к подлинному существованию, экзистенции. У Ж.-П. Сартра человек трансцендирует, так как выходит за границы любого возможного опыта.

В связи с увеличением значимости научного знания, качественными изменениями в мире техники и, главным образом, в связи с популяризацией идей радикальной трансформации человеческой природы трансцендирование приобретает иной смысл. В 80–90-х гг. прошлого века появились первые работы трансгуманистов, в которых утверждалось, что человек не является вершиной эволюции и может с помощью информационных технологий, нанотехнологий, биомедицинских открытий достичь принципиально иного уровня жизни. Трансцендирование связывается с преодолением несовершенства тела и даже с отказом от тела, с отделением сознания от биологического субстрата, с идеей «загрузки» сознания, т.е. его размещением на небиологическом носителе и в информационной сети. «Загрузка», по определению трансгуманиста Н. Бострома, представляет собой гипотетический процесс переноса сознания из биологического мозга в компьютер. В «Часто задаваемых вопросах по трансгуманизму» шведский ученый пишет: «Сканирование мозга с достаточным разрешением может быть выполнено путем разборки мозга атом за атомом с помощью нанотехнологии» [18]. Тема существования человека в Сети уже сравнительно давно не только принадлежит творчеству кинематографистов и писателей-фантастов, но всерьез обсуждается в научных кругах.

Принципиально иное значение приобретает и константа телесности. Современные технологии глубоко воздействуют на такие феномены, как аффект, сексуальность, перверсии, плоть и т.д. Не случайно американский футуролог Ф. Фукуяма назвал биологическую лабораторию «символом современности» [19. С. 9]. По мнению Ф. Фукуямы, над генетикой навис «призрак евгеники» – вмешательство в геном с целью преобразования человеческой природы, программирования заранее определенных свойств [Там же. С. 124]. То же касается и эмоций. То, что ранее считалось несоизмеримым с рациональностью и даже противостоящим ей, относилось к области иррационального, становится программируемым с помощью медицинских мер и препаратов. В гуманитарных науках процесс внедрения новых технологий получил различные оценки – от откровенно негативных до позитивных, от нещадной критики до восторженности. В некотором смысле эти оценки сопряжены с традициями сциентизма и антисциентизма. Трансгуманизм базируется на идее о том, что *homo sapiens* не является самым совершенным творением природы, но при этом обладает инструментарием для преодоления ограничений собственной природы. В противовес утверждениям о стихийности эволюции трансгуманисты выдвигают тезис о направленной и контролируемой эволюции. По мнению трансгуманистов (Н. Бостром, М. Мор, Д. Пирс и др.), человек должен стать постчеловеком. По определению Н. Бострома, постчеловек – «потомок человека, модифицированный до такой степени, что уже не является человеком». Критики трансгуманизма (Ф. Фукуяма, В.А. Кутырев и др.) считают идеи радикальной трансформации человеческой природы опасными. По мнению В.А. Кутырева, трансгуманизм – это «прямое объявление войны человеку» [20. С. 7], подталкивающее *homo sapiens* к самоубийству. Странник умеренной позиции, не предполагающей ни отказа от трансгуманизма и идеи управляемой эволюции, ни восторженного отношения к мысли о трансформации человеческой природы, Ю. Хабермас, сформулировал аргумент «чужого влияния». В книге «Будущее человеческой природы» философ говорил о том, что «дизайнер» человеческой природы в соответствии с собственными или чужими предпочтениями конструирует будущую личность, предопределяя ее физическое, психическое, интеллектуальное развитие [21. С. 91]. Обозначенный аргумент выводит на экзистенциальную проблему реализации человеком собственного жизненного проекта.

Антропология инноваций и образование

В 60-х гг. прошлого столетия австрийский политик и писатель Р. Юнг выступил с инициативой организовать в системе школьного образования «прогностические ячейки», состоящие из педагогов и учащихся. Спустя десятилетие Э. Тоффлер в книге «Шок будущего» писал о «советах будущего» – группах, всецело посвятивших себя изучению будущего в интересах настоящего. Российский ученый А.Д. Урсул в прошлом десятилетии выступил с инициативой внедрения в образовательную систему стратегии футуризации, включающей в себя разработку и применение «механизмов понимания и освоения будущего» [22. С. 13]. В то же время некоторые российские философы начали говорить о необходимости диалога гражданского общества с государством на предмет допустимости и масштабов применения потенциально опасных для жизни и здоровья человека технологий [23. С. 115]. При

всем своеобразии каждой из обозначенных идей в них есть и кое-что общее: во-первых, все они выражают озабоченность будущим, а во-вторых, признают важность образования как почвы, которая должна дать новые всходы – культуру мышления о будущем.

Для антропологии инноваций вполне подходит обозначенное высказывание футуролога Э. Тоффлера – она озабочена будущим в интересах настоящего. Область развертки ее содержания не ограничивается институциональным образованием. Однако именно образованию принадлежит особая роль как многовековой практике социализации поколений, среде, в которой человек учится «активно использовать свой творческий потенциал и воображение» [24. С. 78]. В институциональном образовании (как основном, так и дополнительном) сочетается то, что Б.Г. Юдин называл «ценностями изменения» и «ценностями сохранения». Первые связаны с креативностью, инновационностью, жадной перемен, вторые – с сохранением традиций, созерцанием, обереганием и спасением [25. С. 130]. В действительности обозначенные ценности не воплощаются в образовательной системе в равных «пропорциях». Нередко это служит поводом для нещадной критики и обвинений в адрес образовательной системы в «реакционности» и «обскурантизме». Например, в книге «Революционное богатство» Э. Тоффлер сравнил общественные институты (бизнес, правотворчество, общественные движения и т.д.) с гоночными машинами. По убеждению Э. Тоффлера, в гонке социальных структур образовательной системе достается место аутсайдера [26. С. 59–60]. Если основанием для сравнения системы образования с бизнес-структурами являются «ценности изменения», то в этом случае образование действительно находится в проигрышной позиции. Однако у системы образования есть и преимущество, которое не всегда замечают. Она дает почву для потесненного «калькулирующим» мышлением «осмысляющего раздумья» и тем самым отдает должное ценностям сохранения. Сказанное вовсе не означает, будто система образования игнорирует «ценности изменения». Напротив, она дает почву и для воплощения этих ценностей, проявляя заботу о том, чтобы в будущее вошел все-таки человек во всей полноте его наличных и возможных определенностей, с пониманием собственной ответственности за себя и свой мир, чтобы самостоятельно делать выбор тактики и стратегии своего существования.

Современный цивилизационный тренд выражается в «производстве инноваций» на «конвейере» [27]. В этой связи вопрос об ответственности за внедрение инноваций вовсе не является праздным – напротив, он вызван к жизни ценностной трансформацией: одной из высших ценностей в публичном пространстве является скорость (реакций на изменения и принятия решений). Не удивительно, что «производитель» инноваций далеко не всегда успевает осмыслить то, что он делает. Образование позволяет заниматься творчеством и осмысливать возможные последствия творческих актов, воплощать ценности изменения и ценности сохранения. Идеи организации прогностических групп, футуризации и гуманитарной экспертизы пока не реализованы так, как того хотели их авторы. То же касается антропологии инноваций – новой области знаний, призывающей внимательно относиться к тому, что делается человеком и для человека в настоящем и ради будущего. По-видимому, дело будущего заключается не только в том, чтобы посадить

семена новой культуры – культуры бережного отношения человека к собственным мыслям и поступкам, но и в том, чтобы дать им прорасти.

Выводы

В эпоху инноваций предметно-вещественная ориентация человека доминирует над ценностно-смысловой. Между тем именно вторая из обозначенных ориентаций имеет значимость для формирования картины мира. Многие философы опасались, что человек предаст забвению ценностно-смысловое содержание своей жизни и деятельности. Он создает вещи одну за другой, но не успевает осмыслить, что эти вещи ему дают, чем может обернуться их создание и чем они могут ему угрожать. У человека нет времени и на осмысление того, что есть он сам перед лицом бесчисленных инноваций. Антропология инноваций как раз и пытается обратить внимание и ответить на обозначенные вопросы, в ней вновь актуализируется во всех своих составляющих проблемный вопрос о том, «что такое человек». Выходя за собственные границы, человек порождает свой внешний мир, постоянно изменяет его и меняется сам. Антропологию инноваций интересует как тот, кто изменяет, творит, действует, так и тот, кто пользуется, претерпевает, приспособливается или гибнет. Она озабочена тем, какими ценностями инноватор руководствуется и какие смыслы вкладывает в свою работу. Кроме того, в фокусе ее внимания человек как объект воздействия инноваций. В конце XX в. в связи с развитием новых технологий появились идеи о переходе человека на новую, постчеловеческую ступень жизни. Стали слышны призывы к отказу от «несовершенного» тела в пользу существования в Сети. О человеке говорили, что он обречен и неуклонно движется к гибели (фактически – к самоликвидации). Такое положение дел требует серьезного отношения к идеям трансгуманизма и способам применения НБИК-технологий. Тот факт, что уровень развития этих технологий еще не позволяет воплотить желания трансгуманистов, не является основанием для отказа от философско-антропологического осмысления потенциальных рисков и угроз, которые несут технологические новшества. Антропология инноваций, поскольку она озабочена будущим человека в интересах настоящего, не должна отставать от мировых технико-технологических тенденций и претенциозных проектов по преобразованию человеческой природы.

Образовательная среда может быть благодатной почвой для формирования ценностно-смысловой ориентации человека и для поиска баланса между ценностями изменения и ценностями сохранения, жаждой преобразования и осмыслением существующего, калькулирующим мышлением и осмысляющим раздумьем. Многие насущные вопросы, непосредственно связанные с инновациями, необходимо ставить уже в школе. В противном случае человек не будет способен ни творить, ни отвечать за собственные действия.

Литература

1. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М. : Мысль, 2001. 478 с.
2. Хайдеггер М. Отрешенность // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге : Избранные статьи позднего периода творчества. М., 1991. 192 с.
3. *Инновационная Россия – 2020* : Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. М. : Минэкономразвития России, 2010. 105 с.

4. *Осинов Ю.М.* Инновационный мир растерянной России // Экономика: теория и практика. 2006. № 1 (10). С. 49–50.
5. *Мазаева Т.А.* Инновация в этнокультурной среде // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 3. С. 3–8.
6. *Чижиков В.М.* Инновации в культурной динамике общества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4 (60). С. 10–17
7. *Кройтор С.Н.* Социологическое исследование инноваций: основные категории и уровни анализа // Социологический альманах. 2011. № 2. С. 103–112
8. *Кучко Е.Е.* Социологическое изучение инноваций // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 42–47.
9. *Щедровицкий П.Г.* Революция уже произошла, мы просто этого не видим // ХВИЛЯ [Электронный ресурс]. URL: <http://hvylya.net/analytics/society/pyot-shhedrovitskiy-revolutsiya-uzhe-proizoshla-myi-prosto-etogo-ne-vidim.html> (дата обращения: 26.04.2018).
10. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М. : АСТ, 2002. 557 с.
11. *Цветкова В.Д.* Новые возможности исследования новации и инновации в философии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 14. С. 104–109.
12. *Борзова А.В.* Инновация и творчество // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2015. № 4 (39). С. 243–250.
13. *Крючкова С.Е.* Открытие – творчество – инновация // Гуманитарные исследования. 2009. № 1. С. 20–24.
14. *Теркина А.В.* Инновация как социокультурный феномен // Аналитика культурологии. 2015. № 2(32). С. 12–17.
15. *Степин В.С.* Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011. 408 с.
16. *Плеснер Х.* Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию. М. : Рос. полит. энцикл., 2004. 368 с.
17. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Научно-просветительский журнал «СКЕПСИС» [Электронный ресурс]. URL: https://scep sis.net/library/id_545.html (дата обращения: 26.04.2018).
18. *Бостром Н.* FAQ по трансгуманизму // Российское трансгуманистическое движение [Электронный ресурс]. URL: <http://transhuman.ru/faq> (дата обращения: 25.04.2018).
19. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М. : АСТ, 2004. 349 с.
20. *Кутырев В.А.* Философия трансгуманизма : учеб.-метод. пособие. Н. Новгород : Нижегородский ун-т, 2010. 85 с.
21. *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. М. : Весь Мир, 2002. 144 с.
22. *Урсул А.Д.* Образовательная революция XXI века в перспективе устойчивого будущего // Знание. Понимание. Умение. 2009. №2. С. 11–19.
23. *Луков В.А.* От экспертизы социальной к гуманитарной экспертизе // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 114–118.
24. *Робинсон К., Ароника Л.* Школа будущего. Как вырастить талантливого ребенка. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 368 с.
25. *Юдин Б.Г.* От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 129–138.
26. *Тоффлер Э.* Революционное богатство. М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2008. 569 с.
27. *Ковалевич Д.А., Щедровицкий П.Г.* Конвейер инноваций : Кто несет ответственность за производство инноваций? // Сибирский фронтир: экспертно-аналитический портал [Электронный ресурс]. URL: <http://sibfrontier.ru/wp-content/uploads/2016/05/SHhedrovitskiy-P.G.-Konveyer-innovatsiy.pdf> (дата обращения: 25.04.2018).

Artur A. Dydrov, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation).

E-mail: dydrovaa@susu.ru

Vera S. Neveleva, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk, Russian Federation).

E-mail: vsneveleva@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 48. pp. 35–48.

DOI: 10.17223/1998863X/48/4

THE ANTHROPOLOGY OF INNOVATIONS

Keywords: anthropology of innovation; philosophical anthropology; innovation; creative; posthuman; transhumanism.

Innovations are considered now as a new kind of symbol of the spirit. Innovative achievements measure the effectiveness and social significance of various fields of activity. One of the most important trends today is the innovative race, the competition of innovations; their production is a modern trend. The bet on innovation generates a situation of euphoria in relation to them. Innovation is a stable element of economic, management, political and technical (engineering) discourses; innovations have been quite clearly defined in the relevant fields of science. At the same time, the value of innovation is self-sufficient, and the immediate goals and objectives of innovation are closed within the framework of the activity and pragmatic approaches, in which the “logic of things” dominates. The scheme of the innovation process – from investment and development to obtaining “additional value”, quality growth – does not take into account the ultimate goal and general meaning of this process; it does not represent the “human dimension” of innovation. There is a problematic situation, the content of which is determined by the existing contradiction: on the one hand, innovations are viewed as the main and universal means of progressing; on the other hand, innovations have not yet received a universal comprehension commensurate to their value; being an object of a “calculating thinking”, they have not yet become an object of a “reflective thinking” or a philosophical reflection. Meanwhile, innovative products, ideas and technologies increasingly claim not only to transform the external world of people, but also their nature. Therefore, ideas, projects and programs of innovative development, transhumanism, of supporters of a posthuman future, of wide application of NBIC technologies need a philosophical “expert examination”. The aim of this article is to substantiate the necessity and possibility of a philosophical reflection, to comprehend innovations in the context of people’s individual and shared existence. This context determines the subject area of the anthropology of innovation, in which they are considered in their ontological, axiological, humanistic, social and cultural aspects. On the basis of the method of abduction, using the methodological and theoretical resources of philosophical anthropology, the authors make a humanitarian and humanistic interpretation of innovations, in which the axiological and semantic orientation of a person is emphasised, and the question “What is a human?” is again updated in the face of innovations. Based on the ideas of representatives of classical and non-classical philosophy and science, and of modern researchers, the authors take the definition of innovation beyond the scope of scientific and technical rationality, and thus its reduced interpretation is overcome. The conceptual theoretical conclusions of the anthropology of innovation, which is preoccupied with the future in the interests of the present, determine the special significance and responsibility of the sphere of education as a sphere of “cultivation of a human”, in which a balance must be found between the values of change and the values of preservation.

References

1. Hobbes, T. (2001) *Leviafan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common-Wealth Ecclesiasticall and Civil]. Translated from English. Moscow: Mysl'.
2. Heidegger, M. (1991) *Razgovor na proselochnoy doroge* [Conversation On A Country Path]. Translated from German. Moscow: Vysshaya shkola.
3. Ministry of Economic Development of Russia. (2010) *Innovatsionnaya Rossiya – 2020. Strategiya innovatsionnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda* [Innovative Russia – 2020. Strategy of innovative development of the Russian Federation up to 2020]. Moscow: Ministry of Economic Development of Russia.
4. Osipov, Yu.M. (2006) *Innovatsionnyy mir rasteryannoy Rossii* [Innovative world of perplexed Russia]. *Ekonomika: teoriya i praktika*. 1(10). pp. 49–50.
5. Mazaeva, T.A. (2006) *Innovatsiya v etnokul'turnoy srede* [Innovation in the ethnocultural environment]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki*. 3. pp. 3–8.
6. Chizhikov, V.M. (2014) *Innovatsii v kul'turnoy dinamike obshchestva* [Innovations in the cultural dynamics of society]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. 4(60). pp. 10–17
7. Kroytor, S.N. (2011) *Sotsiologicheskoe issledovanie innovatsiy: osnovnye kategorii i urovni analiza* [Sociological study of innovation: the main categories and levels of analysis]. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2. pp. 103–112
8. Kuchko, E.E. (2012) *Sotsiologicheskoe izuchenie innovatsiy* [Sociological study of innovation]. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 3. pp. 42–47.
9. Shchedrovitsky, P.G. (2017) *Revolutsiya uzhe proizoshla, my prsto etogo ne vidim* [The revolution has already happened, we just do not see it]. [Online] Available from:

<http://hvylya.net/analytics/society/pyotr-shhedrovitskiy-revolyutsiya-uzhe-proizoshla-myi-prosto-etogo-ne-vidim.html>. (Accessed: 26th April 2018).

10. Toffler, E. (2002) *Shok budushchego* [Future Shock]. Translated from English by V. Kulagina-Yartseva et al. Moscow: AST.

11. Tsvetkova, V.D. (2008) Novye vozmozhnosti issledovaniya novatsii i innovatsii v filosofii [New opportunities of innovation research and innovations in philosophy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 14. pp. 104–109.

12. Borzova, A.V. (2015) Innovatsiya i tvorchestvo [Innovation and creativity]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(39). pp. 243–250.

13. Kryuchkova, S.E. (2009) Otkrytie – tvorchestvo – innovatsiya [Discovery – creativity – innovation]. *Gumanitarnye issledovaniya – Humanitarian Researches*. 1. pp. 20–24.

14. Terkina, A.V. (2015) Innovatsiya kak sotsiokul'turnyy fenomen [Innovation as a sociocultural phenomenon]. *Analitika kul'turologii*. 2(32). pp. 12–17.

15. Stepin, V.S. (2011) *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and Culture]. St. Petersburg: St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences.

16. Plesner, H. (2004) *Stupeni organicheskogo i chelovek: vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [Steps of the organic and man: an introduction to philosophical anthropology]. Translated from German. Moscow: Rosspen.

17. Sartre, J.-P. (n.d.) Ekzistentsializm – eto gumanizm [Existentialism is humanism]. *SKEPSIS – Scepsis*. [Online] Available from: https://scepsis.net/library/id_545.html. (Accessed: 26th April 2018).

18. Bostrom, N. (n.d.) *FAQ po transgumanizmu* [FAQ on transhumanism]. [Online] Available from: <http://transhuman.ru/faq>. (Accessed: 25th April 2018).

19. Fukuyama, F.Y. (2004) *Nashe postchelovecheskoe budushchee: posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our posthuman future: the consequences of the biotechnological revolution]. Translated from English by M.B. Levin. Moscow: AST.

20. Kutyrev, V.A. (2010) *Filosofiya transgumanizma* [The Philosophy of Transhumanism]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University.

21. Habermas, Ju. (2002) *Budushchee chelovecheskoy prirody* [The Future of Human Nature]. Translated from German. Moscow: Ves' Mir.

22. Ursul, A.D. (2009) Educational Revolution of the XXI century in the Long Term Sustainable Future. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 2. pp. 11–19. (In Russian).

23. Lukov, V.A. (2012) From social expertise to human expert evaluation. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 2. pp. 114–118. (In Russian).

24. Robinson, K. & Aronica, L. (2016) *Shkola budushchego. Kak vyrastit' talantlivogo rebenka* [Creative Schools: The Grassroots Revolution That's Transforming Education]. Translated from English by O. Medved. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.

25. Yudin, B.G. (2005) From the Humanitarian Knowledge to the Humanitarian Technologies. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 3. pp. 129–138. (In Russian).

26. Toffler, E. (2008) *Revolyutsionnoe bogatstvo* [Revolutionary Wealth]. Translated from English by M. Sultanova, N. Tsyrukun. Moscow: AST: AST MOSKVA.

27. Kovalevich, D.A. & Shhedrovitskiy, P.G. (n.d.) *Konveyer innovatsiy. Kto neset otvetstvennost' za proizvodstvo innovatsiy?* [Innovation conveyor. Who is responsible for producing innovation?]. [Online] Available from: <http://sibfrontier.ru/wp-content/uploads/2016/05/SHhedrovitskiy-P.G.-Konveyer-innovatsiy.pdf>. (Accessed: 25th April 2018).